

Дорогой мой читатель!

В детстве я очень любил читать сказки и фантастические истории, переживая вместе с героями удивительные приключения и мысленно помогая им преодолевать препятствия и совершать подвиги. Перед Вами одна из таких книг, полная захватывающих событий и вызывающая фантастические эмоции!

Мечтайте, фантазируйте! Кто знает, может, повзрослев, Вы придумаете, откроете или совершите что-то очень невероятное и выдающееся и сможете изменить этот мир к лучшему!

Добрых Вам путешествий
и открытий в мире фантазии!

Ваш Василий Герасимов

СВЯТОСЛАВ
САХАРНОВ

ГАК И БУРТИК
В СТРАНЕ
БЕЗДЕЛЬНИКОВ

Рисунки Александра Шахгелдяна

#эксмогетство
Москва
2017

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С22

Редакция выражает благодарность В. В. Головачёву
за помощь в подготовке серии.*

*Василий Головачёв — один из самых известных современных писателей-фантастов в России, лауреат международных фестивалей, обладатель множества премий и наград, в том числе ордена Министерства культуры России «За вклад в культуру», премии «Аэлита», «Ордена рыцарей фантастики» и многих других. По количеству выпущенных книг и общему тиражу, превысившему 20 млн экземпляров, В.В. Головачёв вошел в российскую Книгу рекордов и достижений (Гиннесса) как самый популярный писатель-фантаст.

Сахарнов, Святослав Владимирович.

С22 Гак и Буртик в Стране бездельников / Святослав Сахарнов ; рис. А. Шахгелдяна. — Москва : Эксмо, 2017. — 144 с. : ил. — (Вселенная фантастики).

**УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© С. Сахарнов, наследники, 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-94798-0

Глава первая,

с которой начинается повествование

Далеко на востоке, чуть левее того места, где восходит солнце, лежала когда-то Страна Семи городов. Она лежала там, где земля понемногу перестаёт быть плоской и начинает закругляться, где синее море сходится с жёлтым берегом, а чёрные горы, опускаясь, становятся зелёными полями.

В этой стране было всего семь городов, но зато жили в них люди, которые знали, что почём, и к любой работе могли приложить руки: кузнецы, каменщики, плотники, ткачи, маляры, корабельщи-

ки и парикмахеры. Да, да, парикмахеры — ведь даже в сказочной стране кто-то должен стричь людям волосы и брить бороды.

В тот день, с которого начинается наш рассказ, город корабельщиков гудел, как мельница, под крышу которой врывается свежий ветер. По прямым, как корабельные реи, улицам и запутанным, как корабельные верёвки, переулочкам люди стекались к порту. Порт... Это там дымят с самого раннего утра тонкие трубы паровых судов и торчат, покачиваясь, как пики, поднятые к небу мачты парусников. Вода там ходит взад-вперёд между причалами, а пучеглазые рыбы выскакивают из воды посмотреть, где сидят рыбаки с удочками.

Могучие кузнецы, плотники со светлыми полосками клея на ладонях, загорелые крестьяне из деревень, парикмахеры в белых халатах, наброшенных прямо на голое тело, — все собрались на портовой площади, чтобы не пропустить удивительное, необычайное зрелище, какого ещё никогда не видел город. Они стояли бок о бок, теснясь, переругиваясь, пихаясь локтями, щёлкая калёные орехи и семечки, горла-

ня песни, наступая на ноги и вскрикивая от боли и нетерпения. Тысячи глаз были устремлены туда, где высоко над толпой на помосте стояло невиданное сооружение. Это был корабль — острогрудый, с блестящими выпяченными бортами, с гордо поднятым носом и изукрашенной кормой. Из короткой дымовой трубы, которая блестела, как грудь морской птицы, поднимался лёгкий дымок, начищенная до блеска паровая машина слепила глаза, флаг на мачте трещал.

Но самыми удивительными у корабля были не мачта, не флаг, не рулевое колесо с точёными рукоятками, самыми удивительными у корабля были крылья. Ещё какие крылья! Они были приделаны по бокам, подняты, как у чайки, и выгнуты, словно половинки хорошего лука. Сделанные из тонкого дерева, они были так легки, что сквозь них просвечивало солнце. При каждом движении ветра крылья покачивались и скрипели.

А между тем народ всё прибывал, скоро на площади стало некуда упасть шляпе. Мастера, их жёны, ученики и подмастерья болтали, свистели на забежавших на площадь собак, сосали кубики жжёного саха-

ра, а принесённые женщинами на руках крошечные розовые младенцы плакали.

— Внимание! Внимание! — закричали наконец в разных концах площади, и все увидели, что на помосте появился коренастый бородатый моряк в серой, примятой ветром фуражке. Это был старший корабельщик Глеб Смола.

— Начнём! — сказал Глеб, который был не очень-то большой мастак произносить речи.

Два человека, которые поднялись на помост следом за ним, забрались на корабль. Один из них, высокий и широкоплечий, занял место у паровой машины, а второй, низенький и тонкий, стал у рулевого колеса.

Всё замерло. Замолчали мастера, их ученики, жёны и подмастерья. Перестали плакать дети, жаворонок, залетевший в город с полей, остановился в воздухе, едва шевеля крыльями, а похожее на кита синее дождевое облако, отстав от ветра, тоже повисло над городом без движения.

Высокий моряк повернул у машины кран, зашипел пар, завертелись сцепленные между собой колёса, огромные крылья дрогнули и поползли — сначала

вверх, потом вниз. Вверх-вниз, вверх-вниз. Толпа, вся как один человек, охнула.

«Ччч-ук, чч-ук, чч-ук!» — всё быстрее стучала машина. Крылья с тоскливым скрипом взлетали и падали, корабль раскачивался из стороны в сторону, но... и не думал отрываться от помоста.

Толпа сперва молчала, потом какой-то мальчишка тоненько рассмеялся. И тогда словно прорвало плотину — смех хлынул на площадь. Хохотали, утирая слёзы, залиристо и тонко визжали, кашляли и отхаркивались. Толпа бурлила, сотрясалась, раскачивалась. Тот же мальчишка сунул два пальца в рот и залиристо свистнул — испуганные голуби, как брызги, взлетели над крышами. Стыд и позор!

Люди разошлись не сразу. Долго ещё бродили они по площади, подходили к помосту, обсуждая неудачу, и только когда облако, похожее на кита, уронило на них несколько капель, толпа начала таять.

Скоро около корабля остались всего три человека — Глеб Смола и два незадачливых воздухоплавателя.

— Ну что, — сказал Глеб Смола, — я ведь предупреждал вас.

Строители корабля переглянулись.

— И всё-таки мы полетим, — сказал низенький. — Не сейчас, так в следующий раз.

Высокий кивнул.

— Ну-ну, — сказал старший корабельщик и вперевалку, не торопясь, пошёл прочь.

Впрочем, у него было доброе сердце, и если бы он против обыкновения сказал ещё несколько слов, друзья услышали бы от него, что он верит в них.

Но он ничего не сказал, и они снова полезли на корабль: нужно было разобрать машину и отделять от бортов крылья.

Этих двух упрямцев и неудачников звали: низенького — мастер Буртик, а высокого — мастер Гак.

А в небе, над остроконечными крышами портовых домов, по-прежнему висел, трепеща крыльями, жаворонок. Ему с высоты хорошо были видны и густые клубы дыма над городом кузнецов, и похожий на муравейник город каменщиков, и сверкающий красками город маляров, и все остальные города, и зелёные квадраты полей — всё, что не смогли увидеть сегодня два мастера.

Глава вторая,

*в которой читатель знакомится
с двумя мастерами, а сами мастера
покидают город корабельщиков*

Гак и Буртик были друзьями. Они строили корабли: грузовые пароходы и лёгкие парусники, быстрые катера и неторопливые баржи. Отличные суда, какие могут строить только мастера на все руки.

Дом, в котором они жили, стоял на краю города, у самого берега моря.

На его крыше торчала мачта, а на ней всегда развевался красно-голубой корабельный флаг.

Мастера просыпались рано. Если утро было солнечным и тёплым, они выпускали со двора коробчатого змея с привязанным к нему рожком.

«Тру-ту-ту!» — пел на весь город рожок.

Разбуженные весёлыми звуками жители выходили из домов. Запрокинув головы, они разглядывали парящего над городом змея, жадно вдыхали свежий воздух и говорили:

— Какое чудесное утро мы чуть было не проспали!

В дождь окна дома сами закрывались; стоило кому-нибудь взойти на крыльцо, как двери гостеприимно распахивались, это работали хитрые механизмы, придуманные мастерами.

Но была в доме одна вещь, особенно дорогая сердцу хозяев, — дубовая шкатулка, она стояла на столе в гостиной и была доверху набита чертежами. На пожелтевших от времени листах мчались необычные самоходные повозки. Струёй била вода из насосов. Пыхтели и выпускали пар котлы, похожие на корабельные.

Впрочем, ни одну из этих машин построить было невозможно: надписи на

чертежах были сделаны на каком-то непонятном языке.

Часто дождливыми зимними вечерами усаживались друзья около стола и, открыв шкатулку, перебирали чертежи, пытаясь понять: что за хитроумные машины изображены на них, что написано около и как эти машины можно построить?

Шкатулка, по рассказам, принадлежала древнему учёному, которого звали не то Алибаба, не то Ада-ада и который много десятков лет назад пришёл издалека с народом, основавшим Страну Семи городов.

Особенно хорош был один чертёж, на котором была нарисована длинная остроносая машина с треугольным хвостом.

— По-моему, эта штука должна летать, — говорил Буртик, морща нос и разглядывая чертёж в увеличительное стекло (оно всегда лежало вместе с бумагами).

— А по-моему — нет! — ворчал Гак.

Но и он часто водил пальцем по стремительным линиям рисунка.

Ещё в гостиной висела клетка. В ней жил ручной скворец по имени Бомбрам-